

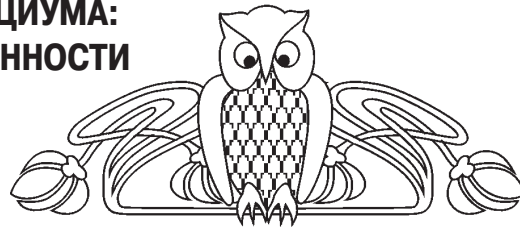

УДК 316.3:1

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ РИЗОМОРФНОСТЬ СОЦИУМА: ЗОНА ЭСКАЛАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РИСКОВЕННОСТИ

Е. Ю. Шакирова

Шакирова Елена Юрьевна – кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой общезадачных дисциплин, Поволжский государственный университет сервиса (филиал в г. Сызрань)
E-mail: 5526reu@mail.ru

Статья посвящена анализу аксиологической ситуации современного общества. Автор полагает, что аксиологическая основа современного общества потеряла характеристики системы, однако продолжает оставаться целостным образованием, гомогенным по своей сути, развивающимся нелинейно в разных направлениях, не имеющим единого центра и множественным. Наиболее подходящее название для такого образования заимствовано из философии постмодернизма – ризома. Кроме того, постулируется, что аксиологическая ризоморфность детерминирует рисковенность современного социума. Управление в таком социуме совмещает самоорганизацию и внешнее управление.

Ключевые слова: социум, ценности, аксиосфера, ризома, социальный риск, рисковенность, кризис, управление, самоорганизация.

Исследования общества составляют большой пласт в современной гуманитарной науке. Современное общество настолько многогранно, что появляются работы, в которых анализируются лики современного общества [1]. Осмысление современности в эпоху глобализации коренным образом меняется. Все очевиднее становится общность человеческой судьбы как таковой, не разделенной на локальные человеческие судьбы. Современный мир – мир коммуникативно связанный, образующий неразделимую целостность. Однако общность судьбы не предполагает стабильности и определенности этой судьбы. Неуверенность в будущем, нестабильность, неопределенность пронизывают современное социальное бытие. Рисковенность и кризисность становятся неоспоримыми атрибутами современности. Открытость общества как признак постиндустриализма приводит к хрупкости и прозрачности, что вновь акцентирует проблему совместного проживания на одной территории, на одной планете. Взгляд на современное открытое общество позволяет увидеть множество линий анализа и путей формирования новых мировоззренческих (и ценностных в том числе) парадигм, к которым мы обратимся несколько позднее.

Открытость общества можно трактовать по-разному: например, А. Бергсон полагает, что открытость общества есть результат творческой эволюции личности, направленной на слияние

с объектом познания на основе интуиции. Инновации в области культуры, затрагивая жизнь закрытых обществ, ломают их границы, подчиняются интуитивным жизненным порывам и направляются к трансцендентному [2]. В определенной степени открытость общества связана с изменением роли разума: переосмысление роли разума и рациональности в развитии общества и определяет в большей степени переход к открытому обществу. К. Поппер утверждает, что открытое общество появляется, когда возникает «рациональная рефлексия». Как только люди оказываются способны принимать рациональные решения и нести рациональную личную ответственность, формируется открытое общество [3, с. 218].

Формирование открытого общества знаменует начало новой эпохи, нового периода в социодинамике. На наш взгляд, подобный переход знаменателен еще и тем, что происходят ломка старых структур и формирование такой социальной целостности, прецедентов существования которой в истории еще не бывало.

Положение, что общество представляет собой систему, широко распространено в современной гуманитарной науке и является аксиомой: достаточно привести в качестве примера труды некоторых исследователей, ставшие уже классическими [4–6]. В частности, Н. Луман отмечает, что «система – это форма с двумя сторонами» [4, с. 78] (здесь имеется в виду различие между системой и средой). В определениях системы «мы видим <...> единство, границу, процесс, структуру, элемент, отношение, т.е. кучу терминов, и если спросить, что их объединяет, то в конечном итоге, это будет “и”. Система – это И-единство (Undtheit). Единство заключено в И, а не в элементе, структуре или отношении» [4, с. 79]. Иными словами, социальная система понимается Н. Луманом как нечто, способное отличать себя от внешней среды и воспроизводить эту границу. Н. Луман задается вопросом, можно ли выйти из этого И-состояния в описании объекта «система»? И отвечает на свой же вопрос, отмечая, что можно это сделать, если строго следовать операционалистскому подходу, т.е. если представить, что существует лишь один тип операции,

который создает систему: «система нуждается только в одной-единственной операции, одном типе операций для того, чтобы, если она продолжается, воспроизводить различие между системой и средой» [4, с. 80–81]. В качестве подобной операции Н. Луман называет коммуникацию. По его мнению, коммуникация – это наиболее существенный признак общества, детерминирующий единство всех элементов и, собственно, дающий нам право говорить об обществе как системе. Нельзя не согласиться с подобной точкой зрения. Хотя существует одно «но»: не только система может быть связана какой-либо операцией, например, коммуникацией, любая совокупность элементов, объединенная одним типом операции, образует некое единство, начинающее функционировать по своим законам. Системой в полном значении этого понятия, используемого в современной науке, видимо, должна считаться совокупность элементов, связанная не одним типом операции, а несколькими, так как при нарушении функциональной связи, обеспеченной одной операцией, другие операции продолжают связывать элементы в единое целое. Однако Н. Луман трактует коммуникацию широко, она мыслится им как основной, самореферентный процесс. Учёный, анализируя социальную коммуникацию, отмечает, что она наделена способностью к самонаблюдению, т.е. производит различие информации и сообщения. Коммуникация в обществе функционирует как единство различия информации, сообщения и понимания. На этом основании Н. Луман делает заключение, что социальная система может наблюдать себя различным и, в частности, поликонтекстуальным образом, при этом смыслы столь же многочисленны, как и соответствующие им системы, поэтому структура предстает как отношение событий и перестает быть фактором устойчивости системы, становясь фактором ее обновления.

Как отмечает исследователь, общество одновременно является открытой и закрытой системами, что придает ему определенное эволюционное преимущество и делает совместимым с окружающим миром. Закрытость в данном случае следует понимать не как изолированность и отгороженность от окружающего мира, а как оперативную закрытость. Н. Луман отмечает, что «закрытость всегда есть включенность в нечто, что, если смотреть изнутри, находится вне, или всякое возведение и сохранение границ системы предполагает материальный континуум, который не знает и не принимает в расчет эти границы» [7, с. 224].

Если исходить из синергетической концепции, то диссипативные системы «представляют собой неравновесные структуры, своеобразный динамический синтез преобладания относи-

тельной устойчивости над неустойчивостью, упорядоченности над хаосом, мощности работы источника их образования над процессами рассеяния их вещества, энергии и информации» [8, с. 17]. Так, то, что в синергетике называется диссипативной структурой, Н. Луман именуется оперативной закрытостью системы. Оперативная закрытость – это основная характеристика, оказывающая влияние на дальнейшее развитие системы. Поскольку система автономна, то она с необходимостью обладает самоорганизацией: «Система может определить себя только через свои собственные структуры, а именно: через структуры, которые можно построить и изменить посредством собственных операций» [9, с. 36].

Можно много говорить о структурах социума, но основой общества, по мнению учёного, являются аксиологические парадигмы, определяющие коммуникативные связи между другими элементами системы. Ценности выступают как базовые опорные точки развития социальной системы. Ценностные образования детерминируют социальную эволюцию, выступают как некие состояния-аттракторы, оказывающие влияние на будущность системы. Ценности формируют особые социокультурные монады, определяющие суть общества и его отличие от других.

Однако ценностные образования современного общества в силу различных причин (от глобализации до культурной ассимиляции) уже не могут образовывать четко структурированную систему: происходит наложение одних ценностных формирований на другие, постоянное внедрение новых ценностей и их взаимодействие со старыми, поэтому философ полагает, что аксиосфера современного общества может быть охарактеризована как ризоморфная.

«Ризома» – понятие, введенное в философии постмодернизма Ж. Делезом и Ф. Гваттари. Мы считаем, что данное понятие оптимально подходит для характеристики аксиосферы современного общества. «Ризома сама по себе имеет очень разнообразные формы, начиная со своей внешней протяженности, разветвленной во все стороны, до конкретизации в луковицы и клубни», – пишут Ж. Делез и Ф. Гваттари [10]. Любое место ризомы может быть присоединено к другому, она непрестанно может соединять в себе различные семиотические звенья и плато, которые напоминают клубень, связывающий разнородные составляющие. Развитие ризомы нелинейно, она одновременно может развиваться в разных направлениях, у нее отсутствует единый центр, множественность является её существенной особенностью. Эта особенность характеризует свойство ризомы быть сломанной в любом месте и возобновленной в любом другом месте, следуя только ей понятной логике развития: «Ризома есть антигенеалогия» [10]. Ризома

принципиально процессуальна, так как она «не начинается и не заканчивается. Она всегда в середине» [10].

Как отмечают эти авторы, в «ризоме нет точек или позиций, какие мы находим в структуре, есть только линии» [10]. Хотя в любой ризоме присутствуют линии сегментарности, вдоль которых она стратифицирована, организована, но наряду с ними есть и линии ускользания, при этом пересечение первых и вторых означает разрыв ризомы. Он, по существу, даёт начало новой линии, нового направления развития. Так, ризома предстает как сверхсложное образование. Линии-направления ризомы проявляют себя как некие полуавтономные субцелостности, разветвляющиеся от субцелостностей низшего порядка. Истинная картина сложности ризомы имеет весьма необычный вид и предстает как совокупность линий-направлений и причинно взаимодействующих аксио-семантических «клубней». Ризома а-центрична, т.е. аксиопространство лишено того, что могло бы претендовать на статус ценностного центра или ядра.

Итак, ценностная сфера современного общества не имеет четко выраженной структуры, множество ценностных линий-векторов детерминируют развитие аксио-основ социума по разным направлениям. На основополагающих линиях-векторах имеются семантические «аксиоклубни», определяющие содержание социокультурных матриц (под социокультурной матрицей мы понимаем совокупность социокультурных феноменов, образующих единое целое, объединенных одной ценностной матрицей). В разных условиях векторность аксиоризомы может меняться, вместе с этим меняется и сложность ризомы как целостной структуры. Внутри аксиоризомы действует механизм самодетерминации, обеспечивающий самоорганизацию и саморазвитие ризомы. Самодетерминация позволяет развиваться ризоме как сверхсложному образованию – одновременно как целому и в частях. Основополагающий признак такого образования, как ризома – не-финальность, именно она является источником трансформаций и перманентных изменений и детерминирует процессы самоорганизации и саморазвития. В ризоме имманентно заключен креативный потенциал саморазвития, включающий варьирование аксиологических пространственно-временных историко-социокультурных конфигураций. При этом ни один из вариантов определенности ризомы не может быть выделен как предпочтительный, поскольку «любая точка ризомы может и должна быть связана со всякой другой» [10]. Существенным моментом процессуальности ризомы будет являться непредсказуемость ее будущих состояний. В такой аксиоризоме происходит постоянная заменяемость одних ценностей другими, наложе-

ние одних ценностных векторных направлений на другие, их пересечение и переплетение. Вот почему в современном обществе ценностные матрицы, определяющие социокультурное своеобразие какого-либо общества, зачастую теряют свои очертания за счет того, что в них вкрапляются другие ценности, не свойственные данному обществу, происходит разрушение прежней аксиоструктуры и образование иных формирований.

Итак, общество – целостная саморазвивающаяся система, объединенная одним типом операции – коммуникацией, имеющая в качестве основы ризоморфную аксиоматрицу, что приводит общество в состояние дрейфа. Социальный дрейф можно определить как состояние неопределенности, неравновесности, при которых отсутствуют четко выраженные ориентиры развития и происходит размывание границ социального пространства. Как правило, состояние дрейфа, являющееся следствием ризоморфности аксиосферы социума, возникает в переходные периоды, в периоды трансформаций и активных социальных изменений. Дрейфующее общество рискогенно априори, так как наличие в нем в качестве основы четко структурированной аксиопарадигмы снижает коэффициент риска.

Повышение рискогенности социума (или же коэффициента рискогенности, измерить который возможно только в случае отношения риска к таким сферам общества, как финансовая, банковская или экономическая в целом) приводит к постепенному выходу системы-общества за пределы пограничных точек, которые не только ограничивают его в пространственно-временных координатах, но и очерчивают его аксиопредель, т.е. пограничными точками могут быть только ценности, выполняющие одновременно роль ограничительных точек общества-системы и роль основания-фундамента социума. Соответственно, основной детерминантой социальных рисков является именно аксиологическая. Ризоморфная аксиосреда, содержащая в себе множество равноправных аксио-семантических «клубней», имманентно включает в себя различные альтернативы социального развития, следовательно, риск включается в социальную ткань в местах разрыва ризомы и образования ее новых линий. Чем больше надломов и разрывов в аксиоризоме, тем выше рискогенность социума, тем более нестабильной, неустойчивой и неравновесной будет социальная система, тем больше рисков будет проявляться в социальном пространственно-временном континууме, поэтому риск становится неотъемлемой чертой современных обществ. По словам Э. Гидденса, современные общества отличаются «климатом риска», риск оказывается постоянно действующим социальным фактором [11].

Одним из факторов разрастания аксиоризо-ми и повышения рискогенности общества является изменение роли информации в современном социуме: возрастает значение виртуального пространства и возникают два вида измерений социального пространства современности: реальное и виртуальное. Так современность раздваивается, появляется иное бытие – виртуальное, которое с каждым мгновением все более и более укрепляет свои позиции, вытесняя реальность на периферию социального континуума. Следствие такого раздвоения социальности есть формирование иных аксиомиров, имеющих отношение к виртуальности: «Погружаясь все глубже в мир виртуальности, человек не только подменяет реальные вещи и действия их образами и символами, но и формирует новые ценности, которые затем оказывают влияние на него самого» [12, с. 451–452]. Это выражается в формировании внутри аксиоризоми нескольких новых векторов-направлений, детерминирующих распространение социальности в данных направлениях. Как мы уже отмечали, появление новых линий внутри ризомы означает повышение степени рискогенности, поэтому формирование аксиоризомных отростков, имеющих отношение к виртуальности, означает выведение рискогенности на уровень виртуального, с одной стороны, и рождение нового ценностного человека, с другой стороны. Для такого ценностного человека начала XXI в. характерно существование амбивалентного аксиомира. Двойственность и неоднозначность аксиомира человека XXI в. определяет неоднозначность и расплывчатость социального аксио-основания.

Внедрение социальных институтов в область Интернета подтверждает разворачивание виртуального пространства и приобретение им некоей независимости, в чем можно усмотреть угрозу существованию реального: «...социальные институты теряют свою власть над человеком, становятся образами и включаются в игру образов» [13, с. 29]. Интернет играет все более значительную роль в функционировании социума, «в качестве технического средства он реализует коммуникативные функции социальных институтов», кроме того, «неинституциональные коммуникации, которые осуществляются в сети Интернет, служат причиной конфликтов между пользователями сети и функционерами государственных учреждений, крупных компаний, политических и религиозных организаций. Последние в соответствии с прежней ориентацией желали бы нормативно ограничить деятельность в сети, чтобы она не приносила им никаких неприятностей и вернула бы былую функцию контроля социальных институтов» [13, с. 30–31]. «В сети возникает новая институциональность, новые социальные институты, существующие

на основе иных закономерностей <...> Главная особенность новых возникающих социальных институтов состоит в том, что институциональность симулируется» [13, с. 31–32]. Так, виртуализация социума, одна из форм которой – развитие и распространение сети Интернет, является существенным фактором повышения рискогенности общества. Неминуемым результатом этого процесса (повышения рискогенности) может стать кризис социума.

Кризис подразумевает выход за пределы пограничных точек. Современное общество лишь условно может быть названо системой, более подходящее для него название – целостность, целое, основная характеристика которого – ризоморфность, гомогенность, нелинейность развития. Конечно, понятие «система» является наиболее подходящим, и систему неоднократно характеризуют как нелинейно развивающуюся, но ризоморфность не свойственна системе как таковой, поэтому мы и говорим об условности именовании общества системой в современных условиях, хотя характеристики, применяемые для описания нелинейно развивающейся системы, проходящей через бифуркации, могут быть применены и для описания ризомной среды. Говоря об условности именовании общества системой, мы лишь подчеркиваем, что ризоморфная аксиосреда современного социального пространства оказывает неоспоримое влияние на социум, при котором происходит размывание традиционных структурных связей и отношений.

Так, ризоморфность как атрибут, свойственный не только аксиосфере, но и обществу в целом, определяет нелинейность его развития. Экзистенциальная природа рисков кроется именно в ризоморфной аксиосфере. Постепенная эскалация рисков неизбежно приводит к кризису. Кризис в этом смысле подразумевает полную неустойчивость социальной системы, потерю всех ориентиров и разбалансировку коммуникативных связей между элементами целостности-системы (политикой, экономикой и др.). Существует несколько сценариев прохождения кризисных периодов: во-первых, общество может проходить кризис в быстром, силовом режиме, это так называемый «мобилизационный сценарий»; во-вторых, возможно медленное прохождение – «сценарий выживания» – в этом случае горизонт предсказуемости меньше времени пребывания в зоне кризиса. В-третьих, – сценарий перемешивающего слоя, который предстает как промежуточный между первым и вторым: это – гибкая балансировка между стратегией выживания и силовым режимом; в-четвертых, – стратегия пассивного поиска-встречи, в которой используются свойства перемешивания в хаотической среде [14, с. 170–171]. Какой бы сце-

нарий социум ни выбрал (стохастично, следует отметить) для прохождения кризисного периода, стержень сценария будет определяться все-таки аксиоматрицей социального пространственно-временного континуума.

Следует также отметить, что отсутствие единого аксио-семантического социального ядра (центра) подразумевает нечеткость и невыраженность пограничных точек (именно в семантическом смысле). Следовательно, современное общество как некая целостность «выходит» за пределы пограничных точек лишь в некоторых направлениях, детерминированных направлениями-векторами аксиоризомы, что выражается в проявлениях экономического, экологического и др. кризисов. Всеобщего кризиса пока нет, но причина «частных» кризисов кроется в отсутствии аксиоцентра, как было уже сказано. Нивелирование последствий этих кризисов приводит к временному возвращению целостности в определенные рамки. Повторные выходы целостности за пределы пограничных точек неизбежны: иными словами, экономический, экологический и другие кризисы будут преследовать человечество постоянно. Каждое последующее возвращение целостности в границы, очерченные пограничными точками, приводит к еще большему возрастанию рискогенности, так как такое возвращение возможно лишь за счет концентрации определенных показателей в определенном секторе целого (технологических, финансовых и др.): перекося в одном направлении неизбежно сказывается негативно на других. Так, гармоничное развитие социума (под понятием «гармоничный» подразумевается «бескризисный») возможно в случае равномерного распространения целостности-системы во всех направлениях, что, в принципе, достижимо, но при определенных условиях.

Выход из сложившейся ситуации автору видится в следующем: изменение ценностной сферы, формирование единого аксио-семантического центра, благодаря чему ризоморфное общество-целостность перейдет в состояние общества-системы. Здесь проблема функционирования общества-целостности стыкуется с проблемой управления: целостность «живет» по законам самоорганизации в большей степени, чем по законам организованного управления. «С синергетических позиций социальная самоорганизация и управление не противоречат друг другу, а едины в процессе функционирования и развития социума. Синергичное сопряжение социальной самоорганизации и управления – базисное основание динамического и в то же время устойчивого развития общества» [15, с. 52]. Однако с позиции постмодернизма в ризоморфной среде любое организованное управление встречает сопротивление со стороны многочисленных

семантических корней целого. Ризома «живет» по своим собственным законам, зачастую эти законы напоминают несведущим их отсутствие, тем не менее наличие собственных законов развития подразумевает, что целостность вовлечена в процессы самоорганизации.

Изменение управления и его сопряжение с самоорганизацией – задача не из легких, но подобную задачу необходимо актуализировать, в противном случае частные кризисы могут превратиться во всеобщий социальный (присущий всей социальной целостности и затрагивающий все социальное пространство) кризис. Таким образом, проблема управления в ризоморфно организованной целостности принимает форму самоорганизации, с одной стороны, и баланса между самоорганизацией и внешними стохастическими процессами, в которые вовлечена ризоморфная структура, – с другой.

Список литературы

1. Мальковская И. А. Многоликий Янус современного общества : Опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации. М., 2008. 272 с.
2. Бергсон А. Два источника морали и религии. М., 1994. 384 с.
3. Понпер К. Р. Открытое общество и его враги : в 2 т. Т. 1: Чары Платона. М., 1992. 448 с.
4. Луман Н. Введение в системную теорию. М., 2007. 360 с.
5. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. 832 с.
6. Гидденс Э. Устройство общества : очерк теории структуризации. М., 2005. 528 с.
7. Луман Н. Теория общества // Теория общества. М., 1999, С. 196–235.
8. Вагурин В. А. Синергетика эволюции современного общества. М., 2007. 216 с.
9. Луман Н. Понятие общества. Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С. 25–42.
10. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. URL: <http://tfk1.narod.ru/rizoma.htm> (дата обращения: 18.02.2013).
11. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Thesis. 1994. Вып. 5. С. 107–134.
12. Колин К. К. Виртуализация общества – угроза для его стабильности? // Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности. М., 2003. С. 449–463.
13. Гасилин В. Н., Тягунова Л. А. Виртуализация социума. Саратов, 2007. 113 с.
14. Буданов В. Г. Конструирование сложности в антропо-вой среде. Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности. М., 2011. С. 158–179.
15. Колесникова Т. А. Антикризисное управление обществом риска : синергетическая концепция. М., 2009. 176 с.

Social Axiological Rhizome: the Zone of Risk Escalation

E. U. Shakirova

The branch of the Volga State University of service in Syzran-town,
28, Shchuseva str., 446029, Syzran, Russia
E-mail: shakirova@tolgas.ru

This article analyzes the axiological situation of the modern society. The author believes that the axiological foundation of the modern society has lost features of the system, but continues to be a holistic formation, homogeneous in nature, which is evolving non-linearly in different directions without having a single centre and multiple in nature. The most appropriate name for such formation is taken from postmodern philosophy, i.e. rhizome. Besides, the paper also postulates that axiological rhizome determines riskogenics of the modern society. Management in such a society combines features of self-organization and external management.

Key words: society, values, axiosphere, rhizome, social risk, riskogenics, crisis, management, self-organization.

References

1. Malkovskaya I. A. *Mnogolikiy Yanus sovremennogo obshchestva: Opyt kriticheskogo osmysleniya likov obshchestva v epokhu globalizatsii* (Janus of many faces of the modern society: an essay of critical understanding of society's images in the epoch of globalization). Moscow, 2008. 272 p.
2. Bergson H. *The Two Sources of Morality and Religion*. South Bend, Ind., 1977. 320 p. (Russ. ed.: Bergson A. Dva istochnika morali i religii. Moscow, 1994. 384 p.)
3. Popper K.R. *The open society and its enemies: in 2 vol. Vol. 1. The spell of Plato*. L., 1945. 223 p. (Russ. ed.: Popper K.R. *Otkrytoye obshchestvo i yego vragi: v 2 t. Vol. 1. Chary Platona*. Moscow, 1992. 448 p.)
4. Luhmann N. *Einführung in die Systemtheorie*. Heidelberg, 2002. 347 s. (Russ. ed.: Luman N. *Vvedeniye v sistemnyuyu teoriyu*. Moscow, 2007. 360 p.)
5. Parsons T. *The social system*. 2 ed. N.Y., 1964. 575 p. (Russ. ed.: Parsons T. *O sotsialnykh sistemakh*. Moscow, 2002. 832 p.)
6. Giddens A. *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. Cambridge, 1984, 402 p. (Russ. ed.: Giddens E. *Ustroyeniye obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii*. Moscow, 2005. 528 p.)
7. Luhmann N. *Theory of Society: in 2 vol.* Palo Alto, CA, 2012, vol. 1. pp. 1–112 (Russ. ed.: Luman N. *Teoriya obshchestva. Teoriya obshchestva*. Moscow, 1999, pp. 196–235).
8. Vagurin V. A. *Sinergetika evolutsii sovremennogo obshchestva* (Synergetics of the modern society evolution). Moscow, 2007. 216 p.
9. Luhmann N. Pogem družbe (The concept of society). *Teoriya in Praksa*, 1991, no. 28, pp. 1175–1185 (Russ. ed.: Luman N. Ponyatiye obshchestva. *Problemy teoreticheskoy sotsiologii* {Problems of theoretical sociology}. St. Petersburg, 1994, pp. 25–42).
10. Deleuze G., Guattari F. *Mille Plateaux – Capitalisme et schizophrénie: in 2 vol.* P., 1980, vol. 2, 645 p. (Russ. ed.: Delez Zh., Gvattari F. *Tsyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya*. Yekaterinburg; Moscow, 2010. 895 p.)
11. Giddens A. Fate, Risk and Security. Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge, 1991, pp. 109–143. (Russ. ed.: Giddens E. *Sudba, risk i bezopasnost. THESIS (Theory and History Economic and Social Institutions and Systems)*, 1994, no. 5, pp. 107–134).
12. Kolin K. K. Virtualizatsiya obshchestva – ugroza yego nestabilnosti? (Is social virtualization dangerous for its stability?). *Sinergeticheskaya paradigma. Chelovek i obshchestvo v usloviyakh nestabilnosti* (Synergetic paradigm. An individual and society in the situation of non-stability). Moscow, 2003, pp. 449–463.
13. Gasilin V. N., Taygunova L. A. *Virtualizatsiya sotsiuma* (Social virtualization). Saratov, 2007. 113 p.
14. Budanov V.G. *Konstruirovaniye slozhnosti v antropnoy srede*. (Construction of complexity in the anthropic field). *Sinergeticheskaya paradigma. Sinergetika innovatsionnoy slozhnosti* (Synergetic paradigm. Synergetic of innovative complexity). Moscow, 2011, pp. 158–179.
15. Kolesnikova T. A. *Antikrizisnoye upravleniye obshchestvom riska: sinergeticheskaya kontseptsiya* (Crisis management of the risk society: synergetic conception). Moscow, 2009. 176 p.